

УДК 811.512.142

Для цитирования: Ксанаева Л.О. Разграничение формально совпадающих падежей в карачаево-балкарском языке // Научно-методический журнал «Поиск научных решений». 2025. № 1. С. 92–106.

DOI: 10.61077/2949-4818-2025-1-92-106

**Разграничение формально совпадающих падежей
в карачаево-балкарском языке**

Ксанаева Любовь Оюсовна

Муниципальное казенное образовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа №16 имени Фриева Р.М.»
г.о. Нальчик

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о формально совпадающих падежах в тюркских языках, в частности, в карачаево-балкарском языке. Обосновывается мысль о том, что нулевые падежные формы слов в карачаево-балкарском языке, совпадая формально, отличаются друг от друга по своей синтаксической функции и значению. В статье выяснены особенности разграничения этих падежных форм, как материально выраженных, так и нулевых. Произведен детальный функционально-семантический анализ, приведен анализ взглядов исследователей и подведены итоги изучения этой проблемы.

Ключевые слова: Тюркские языки, падежные формы, синтаксис, семантика, карачаево-балкарский язык, значение, анализ, проблема.

**Differentiation of formally coincident cases in
the Karachay-Balkarian language**

Ksanaeva Lyubov Oyusovna

Municipal State Educational Institution
"Secondary General Education School No. 16 named
after Friev R.M." of Nalchik

Abstract. The article discusses the issue of formally coincident cases in the Turkic languages, in particular, in the Karachay-Balkarian language. The idea is substantiated that the zero case forms of words in the Karachay-Balkarian language, while formally coinciding, differ from each other in their syntactic function and meaning. The article clarifies the features of the differentiation of these case forms, both materially expressed and null. A detailed functional and

semantic analysis is carried out, an analysis of the views of researchers is given and the results of the study of this problem are summarized.

Keywords: Turkic languages, case forms, syntax, semantics, Karachay-Balkarian language, meaning, analysis, problem.

Вопрос о формально совпадающих падежах в тюркских языках

В тюркологической литературе вопрос о падежах занимает особое место ввиду сложности данной грамматической категории и наличия самых противоречивых подходов к её классификации.

Исследования известных советских тюркологов (Н.К. Дмитриева, Э.В. Севортяна, А.Н. Кононова, В.А. Серебренникова, А.М. Щербака, Ф.Р. Тенищева и ряда других) внесли определенную ясность в решение некоторых вопросов.

Критерием для определения количества падежей стало разграничение словоизменительных и словообразовательных аффиксов, на своеобразие которых указывает Н.А. Баскаков [Баскаков 1969, 103].

Н.К. Дмитриев выделял и описал в башкирском языке шесть падежей. Разделив падежи на пространственные и грамматические, он в то же время считает, что деление это условное [Дмитриев 1948, 5]. Особо им выделены место, значение и функции так называемого «неопределенного падежа». Однако уровень методики лингвистических исследований в области младописьменных языков, ограниченность рамками однотипных и родственных языков породили у ряда ученых двойственность восприятия отдельных падежей в тюркских языках. Это объясняется и тем, что тюркские языки способны «оформляться» нулевыми аффиксами.

Специальный анализ значений и функций нулевых падежных форм слов в карачаево-балкарском языке показывает, что они, совпадая формально, отличаются друг от друга по своей синтаксической функции и значению [Ахматов 1987, 33].

По справедливой оценке А. М. Щербака, «представление о функциональной неопределенности многих падежей, в частности о возможности использования в значении каждого из них основного падежа, далеко не соответствует действительному положению вещей» [Щербак 1977, 70].

При выявлении семантических и синтаксических различий падежей, отмеченная путаница в их значениях, позициях и функциях может быть упорядочена. Падежная форма слова, представляющая его грамматическое

значение, складывается из основы слова и показателя падежа. Последний (падежный формант) может быть как материально выраженным, так и нулевым. Словоформы с нулевыми падежными аффиксами давно привлекают внимание исследователей. Очень важно отметить, что А.А. Реформатский писал: «Насколько нуль плох в жизни, настолько он важен в мысли. Без нуля мыслить нельзя... Нули бывают разные. Бывает истинный нуль в любой системе счисления» [Вильданова, Гарипов 1988, 37].

Нули в любой семиологической системе необходимы – это прямое следствие знаковости, где даже при двух возможных в качестве одного бывает нуль.

Первоначально лингвистические нули связывали с категорией определенности-неопределенности [Дмитриев 1956, 22]. Б.А. Серебренников именные словоформы с нулевыми аффиксами считает реликтами так называемого именного строя, широко распространенного когда-то в уральских языках [Серебренников 1964, 71].

Тем не менее, ответ на вопрос, почему под нулевой формой подразумевался только основной падеж, так и не был дан.

Сторонники формального подхода к падежам исходили из того, что существенной характеристикой грамматической категории падежа является выражение его в форме аффиксов склоняемого слова, а это препятствовало определению их качества, вскрытию отношений форм по значению и системных связей между ними.

Другое направление в теории падежей сводилось к выявлению закономерных соотношений падежных форм по значению, к классификации их по функциям, выполняемым ими в предложениях. Здесь обнаруживаются первые проявления семантического понимания падежа, когда его значения характеризуются набором понятийных категорий – таких, как «субъект действия», «орудие действия», «объект действия» и т.д., что убедительно показано в вышеуказанной статье Н.Г. Вильдановой и Т.М. Гарипова.

Третье направление в изучении падежных отношений, исходя из универсального характера падежей, выдвигает более или менее оформленную теорию падежного значения. Основоположником этого направления является А.В. де Гроот – автор одной из самых значительных работ по синтаксису падежей. Его преемником Луи Ельмолевым впервые была предложена универсальная идея [Вильданова, Гарипов 1988, 36], определяющая основное (общее, главное, инвариантное) значение падежа

путём предельного общения противопоставляемых ему частных значений до возможно наименьшего их числа.

Развивая концепции А.В. де Гроота и Л. Ельмолева, Р.О. Якобсон разработал довольно сложную систему падежных корреляций, признаком которых, по его мнению, является наличие указания на затрагиваемость предмета глагольным действием или на границу участия означенного предмета в вещественном содержании высказывания. Однако выявленных признаков русских падежей (объёмности, направленности и периферийности) оказалось слишком мало для того, чтобы охватить всю систему падежей во всей её сложности и многообразии [Кацнельсон 1972, 43].

В отличие от Р.О. Якобсона, продемонстрировавшего синтез семантики со стилистикой на основе морфологического критерия оценки падежей, с иных позиций к изучению категории падежа подошёл Ежи Курилович. С его именем связано фундаментальное положение теории падежей – выявление их первичных и вторичных функций, в зависимости от влияния семантики главного слова на значение падежного окончания. Е. Курилович выделяет падежи грамматические и конкретные. Считая падеж областью тесного переплетения семантического с синтаксическим, он устанавливает сначала синтаксические, а затем уже семантические различия. Отсюда и определение синтаксических функций падежа [Курилович 1962, 186].

Предложенная Куриловичем система, дополненная очень важным для вскрытия специфики тюркских языков «принципом разового вхождения» падежа в простое предложение, выдвинутым Ч. Филлмором, успешно может применяться и при описании тюркских падежей. Суть принципа Ч. Филлмора сводится к следующему: «Когда некоторая падежная форма появляется в поверхностной структуре одного и того же предложения более чем один раз (в разных именных группах), то либо здесь налицо более чем один глубинный падеж, либо данное предложение является сложным» [Филлмор 1981, 400].

Такого же мнения придерживаются некоторые русисты [Головин 1973, 219] и тюркологи [Успенский 1965, 73].

В тюркологии, руководствуясь «взаимозаменяемостью», падежи с нулевыми показателями относят к сфере основного падежа. Указанный термин прочно вошёл в обиход тех тюркологов, которые под нулевой падежной формой подразумевают только основной падеж. Применение же «принципа разового вхождения» падежа ограничивает рамки действия понятия «взаимозаменяемость». Взаимозаменяться могут не разные падежи,

а варианты одного и того же падежа, которые выделяются на основе общности синтаксических функций и семантических разновидностей.

Это допущение подтверждается следующими примерами: 1) *Азиз къой кютеди*. 2) *Азиз къойну кютеди*. В этих предложениях прямое дополнение выражено нулевой формой (1) и, морфологически выраженной (2) формой винительного падежа. Если вести толкование по традиционной в тюркологии методике, то слово «къой» в сочетании «къой кютеди» следует квалифицировать как форму основного падежа, а это противоречит «принципу разового вхождения» основной падеж уже имеет одно вхождение в данное предложение (*Азиз*). Оказывается, в приведенных предложениях реализуется взаимозаменяемость двух вариантов винительного падежа (*Азиз къойну (къой) къыркъады*). Допущение о взаимозаменяемости основного и косвенных падежей следует признать сомнительным, ибо каждый падеж имеет свои строго очерченные синтаксические функции и своё инвариантное значение.

Функционально-семантический анализ основного, притяжательного и винительного падежей позволяет говорить, что основной падеж всегда имеет нулевой аффикс, а остальные два падежа функционируют то в нулевой форме, то имеют аффикс *-ны*, *-ни*. Материально выраженный вариант родительного (притяжательного) падежа употребляется если:

1) речь идёт об определенном предмете (принадлежности): *Мени китабым сендеди*;

2) когда при определении имеется указательное местоимение: *Бу къойну жюню игиди*;

3) определение выражено существительным с аффиксом принадлежности: *Асланны къызыны жашы учётчикди*. Нулевой вариант притяжательного падежа указывает на обобщенную, неконкретную, неопределенную, принадлежность: *терек бутакъ, терек бутагъы*. Но единый смысл принадлежности выражается единым падежом – притяжательным.

Таким образом, при описании карачаево-балкарских падежей рациональным оказывается функционально-семантический подход, при котором за основу берётся их синтаксическая функция, принадлежащая словам в процессе выражения мысли. Функция словоформ в конкретном высказывании реализуется в виде синтаксической позиции, отмеченной ролью.

Исходным является тезис о том, что в одном и том же предложении (по модели $СГ_1 + \text{Скосв.падеж} + Г$) один и тот же падеж не может занимать одновременно две позиции – субъекта и объекта. Если в позиции субъекта явный основной падеж, то в позиции прямого объекта при личной форме глагола никакой другой падеж, кроме винительного с нулевым аффиксом выступать не может ($Со_1 + Со_4 + Г$).

Анализ на семантическом уровне указывает на то, что падежи с нулевыми аффиксами, как и их морфологически выраженные варианты, используются для выражения одной и той же идеи. Такой подход удовлетворяет требованиям множественной характеристики падежа как единицы объединенной морфолого-синтаксического уровней языка в их диалектическом единстве.

Кстати, морфологический подход к падежам не оправдан именно потому, что налицо морфологически невыраженные формы падежей.

Исходя из вышеизложенного, при описании падежей в языках тюркской семьи необходимо учитывать наличие двух вариантов общеграмматических падежей.

Следующим шагом в развитии общетюркологической грамматики необходимо, на наш взгляд, признать последовательный отказ от смещения форм основного падежа с нулевыми аналогами косвенных падежей. Таким образом, формально совпадающие падежи (основной, родительный, винительный) отличаются друг от друга по функции и семантике.

Основной падеж и его синтаксические функции

Свойство подлежащего, его бытование в виде названия предмета, явления и т.д., то есть того, о ком или о чём идёт речь в предложении, обусловлено, прежде всего, его формой – формой основного падежа, которая определяет его грамматически независимое положение и особенности синтаксических отношений со сказуемым, тем самым ставя его в положение предмета суждения.

В своей речи мы сообщаем о каких-либо лицах или предметах, явлениях и событиях, которые выражаются формой основного падежа. Только при этом условии они могут выступать предметом нашего суждения в качестве подлежащего.

Например: 1) *Отряд, ахыр тамычы къанына дери сермешди эсе да, душманны тыялмады* [Теппеев 1981, 148]. 2) *Кюн къызыу болса да, тёбе*

башында самал желчик кѳуру да ургѳанлай, сериуюнлюк бергенлей туруучуду [Текуев 1976, 7).

Поскольку подлежащее есть название предмета, события, явления, лица, любая часть речи, употребляясь субстантивно, выступает в роли выразителя значения предмета нашего суждения. В этом и заключается семантическая характеристика подлежащего.

Например: 1) *Алайсыз да колхозда керексиз кѳуллукѳчула асыры кѳпдюле* [Шаваева 1969, 188]. 2) *Мурат кѳатынг бла да озмагѳанды сени* [Шаваева 1969, 192]. 3) *Кѳалгѳанла атлагѳа ашыгѳышлы минип, Халиматны ызындан кѳууушдула* [Текуев 1976, 19] *Ол (Кесеу) атын кѳайда кѳойгѳанын эсине да алмады* [Гадиев 1982, 27]. 5) *Беи ючден кѳпдю*. 6) *А ачыкѳ тауушду*.

Когда исследователи отрицают основной падеж как грамматическую форму подлежащего, этим отрицается и независимое положение подлежащего, которое является одним из основных признаков слов, функционирующих в роли подлежащего [Ахматов 1968, 26].

Слова в форме косвенных падежей, будучи в зависимом положении от других членов предложения и вступая с ними в атрибутивные отношения, выполняют функции второстепенных членов предложения, или же, вступая в предикативные отношения, - функции сказуемого. Таким образом, эти слова не могут функционировать в качестве подлежащего.

Однако, если опираться только на форму подлежащего (то есть на его выражение основным падежом), то его отграничение от других второстепенных членов предложения и сказуемого, иногда совпадающих с ним по форме, было бы весьма затруднительным и бездоказательным. [Грамматика азербайджанского языка 1971, 264] Так, например, многие определения, обстоятельственные слова и сказуемые часто выражаются формой того же основного падежа, что и подлежащее. Но они корректируются, с одной стороны, своим зависимым положением от других слов, с другой, синтаксическими отношениями атрибутивности для второстепенных членов или предикативности – для сказуемого. В связи с этим и представляется необходимость отметить независимое положение подлежащего по отношению к другим членам предложения. Например: 1) *Бир кесекден баштѳбен кѳазакѳ, юйден чыгѳып, эшик аллында армау бола сюелди* [Теппеев 1981, 71]. 2) *Кѳыш биз элге кѳчерикбиз* (Коммунизмге жол).

Родительный падеж и его синтаксические функции

Имя в данном падеже выражает отношение принадлежности чего-нибудь какому-либо лицу или предмету: 1) *Кочар телефонну чолпусун жерине такъды*. [Теппеев 1981, 372]. 2) *Къызла, озай айтып, Бекболатны юйюне жетдиле*. [Теппеев 1981, 327]. 3) *Командирни сёзюню магъанасын ангылап, австриячы, ыспас этип, жангыдан Минакерге айланып, бир затны тиледи*. [Кульчаев 1976, 71]. 4) *Бизни институтха Зайнафны да чакъыргъанма*. [Шаваева 1969, 20]. 5) *Аны (Зайнафны) кёзлеринде «Санга не болгъанды? деген сорууну ангыладым*. [Шаваева 1969, 14].

Родительный падеж также выражает носителя признака: 1) *Налбике атасыны тынгысызлыгъын эследи*. [Шаваева 1969, 51]. 2) *Аталаны сыйлы осуятлары турадыла мени боюнумда, тукъумну тазалыгъын, саулугъун бузмазгъа деген*. [Шаваева 1969, 134]. 3) *Аз эсек да, къайгъырмаз, тойну уллулугъу адамны кёплюгюнден туююлдю* [Шаваева 1969, 40].

Данный падеж существительного может выражать категорию предметов, из которой выделяется единичный предмет, обозначаемый в предложении субстантивированным прилагательным: *атны ахшысы, сютню къалыны, къойну семизи*.

Родительный падеж оформляется аффиксами *-ны, -ни, -ну, -ню* и отвечает на вопросы: *кимни? нени?* Он бывает и неоформленным.

В зависимости от того, оформлено падежным аффиксом или нет, притяжательные определения можно разбить на две группы:

Определение, выраженное неоформленным родительным падежом.

Определение, выраженное оформленным родительным падежом [Грамматика карачаево-балкарского языка 1976, 438].

Оформленное (самостоятельное) и неоформленное (несамостоятельное) притяжательные определения отличаются друг от друга по некоторым признакам. Например, неоформленное определение, как правило, находится перед определяемым. При их размыкании теряется связь между ними. Следовательно, здесь строгое соседство как средство связи всегда необходимо. Самостоятельное притяжательное определение так же занимает место перед определяемым. Например: *Къалауурланы кёзлерин алтын ахча бла жабарма* [Теппеев 1981, 167]. Однако оно может отделяться от последнего, другими словами, относящимися к определяемому: *Жашауну ол тюз тёрелерин Жамауат эли аз кёрмегенди* [Теппеев 1981, 176].

В карачаево-балкарском языке нет имен, выступающих в роли определения лишь в неоформленном родительном падеже. А случаев, при которых наличие аффикса родительного падежа в структуре изафетного определения обязательно, много.

Винительный падеж и его синтаксические функции

Известно, что винительный падеж в современном карачаево-балкарском языке употребляется в двух формах. Он то употребляется в нулевой форме, то оформляется аффиксом *-ны/-ни*.

Почти все авторы тюркологической литературы объяснение причин оформленности и неоформленности прямого дополнения сводят к грамматической определенности и неопределенности предмета. При этом в значение определенности вкладывается осведомленность, а в значение неопределенности – неосведомленность говорящего о предмете. Автор «Общей грамматики турецко-татарского языка» А. Казембек утверждал, что винительный падеж заменяется основным в том случае, если предмет действия не определен и не стоит непосредственно перед глаголом. [Казембек 1944, 381]

Факты карачаево-балкарского языка говорят в пользу концепции, согласно которой винительный оформленный падеж служит для выражения, определенного для участников речи предмет, а неоформленная, то есть нулевая форма, этого падежа – для выражения неопределенного объекта, что можно показать.

В карачаево-балкарском языке прямое дополнение в оформленном винительном падеже имеет следующие аффиксы: *-ны*, *-ни*, *-ну*, *-ню*, *-ы*, *-и*, когда дополнение выражено местоимениями ед.ч., и *-н*, *-у*, *-ю*, когда оно выражено словами в притяжательной форме.

Прямое дополнение, оформленное этими аффиксами, всегда управляется господствующим словом, в роли которого выступают переходные глаголы, и отвечают на вопросы *кимни? нени?*

Как оформленный, так и неоформленный винительный падеж выступает в роли прямого дополнения. Неоформленное прямое дополнение обозначает не определенный объект, как оформленное прямое дополнение, а объект вообще. В этом заключается главное отличие между оформленным и неоформленным прямым дополнением. *Аны ичинден, сол билегине да агъач*

челек тагъып, бир къатын чыкъды [Гуртуев 1970, 8]. Ордан темирлени къызгъан отха сукъду [Теппеев 1981, 296].

Заключение

В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, основной, родительный и винительный падеж формально совпадают. При этом следует отметить, что родительный и винительный падежи имеют по две формы: 1) нулевую; 2) оформленную аффиксом *-ны*, *-ни*. Нулевую форму имеет и основной падеж.

Результаты анализа показывают, что при определении падежного статуса указанных форм исследователи придерживаются различных точек зрения. Например, по определению одних из авторов, нулевая форма имени существительного (и любой субстантивированной части речи) представляет собой форму основного падежа.

Однако, с такой точкой зрения невозможно согласиться. Дело в том, что данная форма слова в карачаево-балкарском и других тюркских языках выполняет различные синтаксические функции. Это зависит от синтаксической позиции. Занимаемой словом в нулевой форме в предложении и от характера синтаксических отношений, которые устанавливаются между сказуемым и этим словом. Так, например, в тех случаях, когда слово в нулевой форме занимает в предложении позицию подлежащего, между ним и сказуемым устанавливается предикативная связь. Слово в нулевой форме в данном случае выполняет функцию выразителя субъекта, являющегося активным или пассивным деятелем, или носителем признака или состояния. Между этой словоформой, выполняющей синтаксическую функцию подлежащего, и сказуемым устанавливается координативная связь. При которой лицо и число подлежащего соответствует форме лица и числа сказуемого: *Мен заводда ишлейме. Сен заводдан келесе. Ол ары барады. Биз ишчилебиз. Сиз колхозчуласыз. Ала къойчуладыла.*

Учитывая всё это, нулевую форму слова в указанном случае необходимо рассматривать как форму основного падежа имени существительного.

Слова в форме основного падежа, кроме того, часто выступают в роли примыкаемого определения, для чего они употребляются в препозиции определяемого, также выраженного именем: *агъач кюрек, къагъыт машок,*

кирнич юй и т.п. Такое примыкаемое определение показывает различные признаки определяемого, также выраженного именем.

В других же случаях, нулевая форма имени существительного выступает в роли притяжательного определения. При этом определяемое обычно принимает притяжательный аффикс: *терек бутагъы, кьочхар мюйюзю*. Значение лица, выражаемое таким определением, соответствует значению лица, которое выражается притяжательным аффиксом, присоединяемым к определяемому. В данном случае мы также имеем дело с согласованием. Однако показателем согласования сказуемого с подлежащим служит лично-предикативный аффикс.

А в данном случае в роли такого формального показателя выступает притяжательный аффикс. Правда, в отличие от других тюркских языков, в карачаево-балкарском и кумыкском языках этот аффикс может спускаться, однако, несмотря на это притяжательное отношение между сочетающимися словами сохраняется: *терек бутакъ, кьой жюн* и т.д. Учитывая всё это, вслед за многими исследователями тюркских языков мы считаем, что в рассмотренном случае нулевая форма слова представляет собой неоформленный притяжательный или родительный падеж.

Следует отметить, что основной падеж, выполняя функцию подлежащего, обычно употребляется в препозиции сказуемого. Но подлежащее и сказуемое при необходимости могут меняться местами. При нулевой форме – основном падеже сказуемое может быть глагольным.

А неоформленный родительный падеж сочетается только с именем существительным. Перестановка местами нулевой формы слова – родительного падежа и определяемого слова невозможно.

В отличие от указанных двух случаев, в третьем случае нулевая форма имени существительного в карачаево-балкарском языке сочетается с глагольным сказуемым и выражает объект, на который распространяется действие, передаваемое сказуемым. Поэтому в данном случае указанная форма слова квалифицируется нами как винительный падеж. Для данного падежа характерно то, что он сочетается со сказуемым. Выраженными переходными глаголами и выступает в роли прямого дополнения.

Всё это позволяет сделать вывод о том, что для определения падежа слова необходимо опираться на его смысл, на синтаксические отношения, которые устанавливаются между ним и словом, которое сочетается с ним.

Исходя именно из этого положения, мы устанавливаем, что слова, оформленные аффиксом *-ны*, *-ни* выступают в роли двух падежей: родительного и винительного.

Родительный оформленный падеж всегда выражает значение обладателя, и слово, которое сочетается с ним, - предмет, который принадлежит этому обладателю. Оформленность родительного падежа зависит от категории неопределенности (определенности). Оформленным родительным (или притяжательным) падежом всегда выражает определенное лицо и предмет, а неоформленным родительным падежом – неопределенное лицо или предмет.

Между притяжательным определением, выраженным оформленным родительным падежом и определённым устанавливаются взаимно зависимые отношения.

А форма слова, имеющая тот же аффикс *-ны*, *-ни* и относящаяся к глагольному сказуемому, выступает в роли прямого дополнения; зависимость между ним и сказуемым, выступающим в качестве стержневого слова, односторонняя. Прямое дополнение, оформленное аффиксом *-ны*, *-ни*, связывается со сказуемым путём управления и выражает прямой объект. А между притяжательным определением и определяемым, как отмечено, устанавливается притяжательное отношение. В данном случае компоненты словосочетания зависят друг от друга.

Опираясь на это, мы приходим к выводу о том, что родительный и винительный падежи имеют одни и те же формы, но выражают различные семантические компоненты предложения.

Список источников и литературы

1. Ахматов И.Х. Главные члены предложения и средства их выражения в карачаево-балкарском языке. Нальчик : Эльбрус, 1968. 164 с.
2. Ахматов И.Х. Синтаксис карачаево-балкарского языка. Нальчик : Эльбрус, 1987. 142 с.
3. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. Москва : Высшая школа, 1969. 384 с.
4. Вильданова Н.Г., Гарипов Т.М. Один нулевой падеж или формы разных падежей // Советская тюркология, 1988. № 4. С. 36–41.
5. Гадиев И.М. Нарт уя. Нальчик : Эльбрус, 1982. 440 с.
6. Ганиев Ф.А. О синтетических и аналитических падежах в татарском языке. // Вопросы тюркологии : Учёные записки КГПИ. Казань, 1970. Вып. 74. С.74–84.

7. Головин Б.Н. Введение в языкознание. Москва : Высшая школа, 1973. 232 с.
8. Грамматика алтайского языка. Казань : Университетская типография, 1869. 289 с.
9. Гуртуев Б.И. Жангы талисман. Нальчик : Эльбрус, 1970. 448 с.
10. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. 276 с.
11. Дмитриев Н.К. Детали простого предложения // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Москва : Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 19–49.
12. Казембек А.К. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань : Университетская типография, 1846. 475 с.
13. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Ленинград : Наука, 1972. 217 с.
14. Кульчаев М.Т. Жер юсюнде жашар ючюн. Нальчик : Эльбрус, 1976. 144 с.
15. Курилович Е. Очерки по лингвистике. Москва : Издательство иностранной литературы, 1962. 456 с.
16. Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. Москва : Наука, 1964. 184 с.
17. Текуев М.М. Сиркиу. Нальчик : Эльбрус, 1976.
18. Теппеев А.М. Азатлыкъ. Нальчик : Эльбрус, 1981.
19. Успенский Б.А. Структурная типология языков, Москва : Наука, 1965. 287 с.
20. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике : сборник статей : переводы. – Лингвистическая семантика, вып. 10. Москва, 1981. С. 369–495.
21. Шаваева М.Ч. Кечерлеми? Нальчик : Эльбрус, 1969. 197 с.
22. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Ленинград : Наука, 1977. 190 с.

References

1. Akhmatov I.Kh. Glavnye chleny predlozheniya i sredstva ikh vyrazheniya v karachaevo-balkarskom yazyke [The principal parts of the sentence and their means of expression in the Karachay-Balkarian language], Nalchik, Elbrus Publ., 1968, 164 p., *in Russian*.
2. Akhmatov I.Kh. Sintaksis karachaevo-balkarskogo yazyka [The syntax of the Karachay-Balkarian language], Nalchik, Elbrus Publ., 1987, 142 p., *in Russian*.
3. Baskakov N.A. Vvedenie v izuchenie tyurkskikh yazykov [Introduction to the study of Turkic languages], Moscow, Higher School Publ., 1969, 384 p., *in Russian*.

4. Vildanova N.G., Garipov T.M. Odin nulevoi padezh ili formy raznykh padezhei, Sovetskaya tyurkologiya [One null case or forms of different cases], 1988, no. 4, P. 36–41, *in Russian*.
5. Gadiev I.M. Nart uya [The Nart's nest], Nalchik, Elbrus Publ., 1982, 440 p., *in Karachay-Balkarian*.
6. Ganiev F.A. O sinteticheskikh i analiticheskikh padezhakh v tatarskom yazyke, [On synthetic and analytical cases in the Tatar language], *Voprosy tyurkologii: Uchenye zapiski KGPI [Questions of Turkology: Scientific notes of the KGPI]*, Kazan, 1970, vol. 74, P.74–84., *in Russian*.
7. Golovin B.N. Vvedenie v yazykoznanie [Introduction to linguistics], Moscow, Higher School Publ., 1973, 232 p., *in Russian*.
8. Grammatika altaiskogo yazyka [The Altai language grammar], Kazan, Universitetskaya tipografiya [University Printing House], 1869, 289 p., *in Russian*.
9. Gurtuev B.I. Zhangy talisman [The new mascot], Nalchik, Elbrus Publ., 1970, 448 p.
10. Dmitriev N.K. Grammatika bashkirskogo yazyka [The Bashkir language grammar], Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of science of the USSR, 1948, 276 p.
11. Dmitriev N.K. Detal'i prostogo predlozheniya [Details of a simple sentence], *Issledovaniya po sravnitel'noi grammatike tyurkskikh yazykov [Studies on the comparative grammar of the Turkic languages]*, Moscow, Publishing House of the Academy of science of the USSR, 1961, P. 19–49, *in Russian*.
12. Kazembek A.K. Obshchaya grammatika turetsko-tatarskogo yazyka [General grammar of the Turkish-Tatar language], Kazan, Universitetskaya tipografiya [The University Printing House], 1846, 475 p., *in Russian*.
13. Katsnelson S.D. Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie [Typology of language and speech thinking], Leningrad, Nauka Publ., 1972, 217 p., *in Russian*.
14. Kul'chaev M.T. Zher yusyunde zhashar yuchyu [For the sake of life on Earth], Nalchik, Elbrus Publ., 1976, 144 p., *in Karachay-Balkarian*.
15. Kurilovich E. Ocherki po lingvistike [Essays on linguistics], Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury [Publishing house for foreign literature], 1962, 456 p., *in Russian*.
16. Serebrennikov B.A. Osnovnye linii razvitiya padezhnoi i glagol'noi sistem v ural'skikh yazykakh [The main lines of development of the case and verb systems in the Uralic languages], Moscow, Nauka Publ., 1964, 184 p., *in Russian*.
17. Tekuev M.M. Sirkiu [Agile], Nalchik, Elbrus Publ., 1976, *in Karachay-Balkarian*.
18. Teppeev A.M. Azatlyk" [Freedom], Nalchik, Elbrus Publ., 1981, *in Karachay-Balkarian*.
19. Uspenskii B.A. Strukturnaya tipologiya yazykov [Structural typology of languages], Moscow, Nauka Publ., 1965, 287 p.

20. Fillmore Ch. The Case for Case, *Universals in Linguistic Theory, Lingvisticheskaya semantika [Linguistic semantics]*, collection of translated articles vol. 10, Moscow, 1981, P. 369–495, *in Russian*.

21. Shavaeva M.Ch. Kecherlemi? [Will they forgive?], Nalchik, Elbrus Publ., 1969, 197 p., *in Karachay-Balkarian*.

22. Shcherbak A.M. Ocherki po sravnitel'noi morfologii tyurkskikh yazykov [Essays on the comparative morphology of the Turkic languages], Leningrad, Nauka Publ., 1977, 190 p.